

16 МАР 1980

ПОДСМОЛЬСКАЯ ПРАВДА
г. Москва

МИНУТЫ МУЗЫКИ

Дни, как молнии

К 170-летию со дня рождения Фридрика Шопена

Часто рассвет заставал его за роялем — писал он больше ночами. Не потому ли вдохновение Шопена столь благосклонно было к «музыке ночной» — ноктюрнам? И тогда, в Париже (где в то время уже прославленному композитору и пианисту было предписано судьбой провести восемнадцать из тридцати девяти лет жизни), как когда-то наяву из окна варшавского дома грезились ему в утреннем тумане башни костела Святого Креста...

«Нани собираются в Познани... пахнет войной, а где она начнется — неизвестно. Но если начнется, то вся Германия вспыхнет. Итальянцы уже начали. Милан выгнал австрийцев, но они сидят еще по окраинам и будут драться. Франция, вероятно, поможет... Галицийские крестьяне подали пример волынским и подольским; не обойдется это без страшных дел, но в конце концов будет Польша, прекрасная, могучая, словом: Польша», — писал Фридрих Шопен в апреле 1848 г. своему другу Ю. Фонтане, делясь с ним мыслями о польском национально-освободительном движении.

Образ прекрасной и могучей Польши — именно такою великий музыкант всегда хотел видеть свою родину — жил в нем неугасимо. Все боли и надежды бесконечно дорогого ему отечества Шопен «изливал на фортепиано». В дни бед своего народа писал он много и страстно — писал полные гнева и бурного протеста сочинения.

Незадолго до смерти Шопен

во время поездки в Англию встретился со своим другом, известным польским поэтом С. Козьмянном. «Приезд его в Англию, — писал впоследствии Козьмян, — стал событием в музыкальном мире, а пребывание его там — цепью триумфов. Но Шопен оставался равнодушным к этим успехам... Ни о чем не говорил, кроме как о Польше».

Возвратиться на родину ему было не суждено. Согласно предсмертной воле в милую Варшаву вернулось его сердце. И ныне покоится оно в нише одной из колонн костела Святого Креста.

Не загадка ли: при всей трагичности судьбы — жизни на чужбине, недоступности личного счастья, угнетающем чувстве одиночества, в предвидении своего скорого, неотвратимого конца («И дни мои мелькают, как молнии» — с печалью замечал он, все чаще исполняя в концертах погребальный марш и последнюю мазурку) — такая гор-

дая, сильная, светлая своей непоколебимой верой в счастье музыка! Сколько жизнелюбия, поэтической страсти, возвышенных романтических порывов в сонатах, концертах, балладах, вальсах, полонезах, этюдах Шопена... И разве в том же траурном марше знаменитой сонаты си-бемоль минор одна лишь скорбь — и только?

Не разрушением, а созиданием духовных сил жива музыка Шопена. Впрочем, вся тайна ее власти неисповедима. Лучшее тому объяснение дал, впервые услышав Шопена, его современник Роберт Шуман, заявив громко: «Шляпы долой, господа, перед Вами гений!» Тот же Шуман назвал музыку своего сверстника, в которую был влюблен до конца своих дней, — «пушки в цветах». Пожалуй, нельзя точнее определить существо творчества Шопена. Это уж никак не сентиментальность, никак не уныние, приписываемые иногда сочинениям великого поляка. «Пушки в цветах» — символ борьбы — движущей силы жизни.

В Польше есть прекрасный обычай. В варшавском парке Лазенки у памятника Шопену, поражающего своей одухотворенностью, по воскресеньям устанавливают рояль. Лучшие польские пианисты исполняют здесь произведения любимого соотечественника. И тогда словно происходит чудо. Представляется, что с этой, открытой земле и небу эстрады музыка его слышна всей стране, а, может, и всей Вселенной...

Т. МАРШКОВА.